Алексей Небоходов

Торговец миром

Алексей Небоходов

Торговец миром

«Автор»

2024

Небоходов А.

Торговец миром / А. Небоходов — «Автор», 2024

В городе, поглощённом вечной зимой, где время замерло, а люди превращены в живые статуи, двое выживших — Иван и Виктория — пытаются разгадать тайну застывшего мира. Их путь пролегает через улицы, утопающие в ледяной тишине, где затаились чудовищные пауки, пожирающие остатки человечности. Но это лишь начало их кошмара.В мрачной лавке странного торговца по имени Бенисфер они сталкиваются с выбором: продать свои души или остаться пленниками замёрзшего мира. Бенисфер, мастер сделок с Тёмными старейшинами, предлагает свободу, но за цену, которая ужасает даже отчаявшихся.Погружаясь глубже в паутину лжи, отчаяния и загадок, герои понимают, что их враги не только чудовища во льдах, но и те, кто когда-то были людьми. Чем готовы они пожертвовать, чтобы выжить? И найдётся ли свет в этом бесконечном снежном аду?"Торговец миром" — это ледяная сказка о страхе, надежде и сделках, которые нельзя отменить.Картинка сделана автором своими руками

© Небоходов А., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 24
Глава 6 29
Глава 7 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Алексей Небоходов
Торговец миром

Глава 1

Желтые, сухие листья подхватывались ветром, и вихрь разметывал их по двору. Я смотрел, как дрожат лужи из окна кухни на пятом этаже. Что-то было не так, но я пока не мог понять, что именно.

Будто сама атмосфера вокруг меня изменилась за одну ночь: воздух стал густым, наполненным невозможной неподвижностью, одновременно зловещей и успокаивающей.

Мне пора было идти на работу, я сделал еще глоток кофе и решил выкурить сигарету. Табачный дым окутал меня, а затем выскользнул в холодный осенний воздух через окно.

Уже тогда я почувствовал, что с миром что-то не так. Мой город, обычно кипящий жизнью по утрам, стоял безмолвным, будто погрузился в глубокий сон. Казалось, кто-то прокрался, осторожно выключив щебет птиц и заморозив людские толпы на ходу.

Горнинск, который обычно был насыщен бесконечными звуками жизни, теперь был зловеще тих.

Звук автобусов, болтовня прохожих, лай бездомных собак – все исчезло, ничто не двигалось. Приписывая такую реакцию миру вокруг меня своему настроению, я затушил сигарету и вышел из дома.

Город казался зеркалом моих мыслей: полуденное солнце зависло в небе, не в силах пробиться сквозь серую пелену тьмы.

Я шел по пустым бульварам. Булыжники были покрыты толстым слоем снега, который хрустел под моими ботинками.

Фонари, окруженные световой дымкой дня, лениво парили в неподвижном воздухе.

Я огляделся, не в силах вспомнить, когда этот город казался мне таким красивым и заметил трамвай, который стоял на светофоре уже несколько часов. Водитель, мужчина средних лет, наклонился вперед, его лицо застыло в гримасе. Было очевидно, что он не просто уснул – время внезапно остановилось, оставив его запертым в этом моменте.

Когда я заглянул в тускло освещенный трамвай, ужас сжал мое горло. Пассажиры носили те же выражения – перекошенные от смеси удивления и страха, их глаза были прикованы к неизменному миру вокруг.

Я не задерживался надолго, ощущая, как по спине пробегает холод. Вместо этого я свернул с дороги и обнаружил больше знаков, подтверждающих, что это явление распространилось далеко за пределы моей улицы.

Заброшенные посреди дороги машины, перевернутые велосипеды, пешеходы, подвешенные на грани движения, пойманные в загадочную паутину неподвижности.

Я пытался осмыслить происходящее, направляясь к знакомому парку, где часто гулял в юности.

Когда я пересек улицу, я увидел сцену, которая навсегда запечатлелась в моей памяти: кот, пойманный в хаосе, был подвешен в воздухе, вытянув лапы всего в нескольких дюймах от земли. Жестокая игра судьбы – навечно увековеченная в невозможном танце. Пара, пойманная в нежных объятиях, застыла, будто позировала для памятника утраченной любви.

Эта картина времени разворачивалась передо мной, пока я медленно шел по опустевшему городу. Чем больше я видел, тем больше понимал, что это не плод моего воображения.

Все было реально: город действительно застыл. Сердце бешено колотилось, пока я делал глубокие вдохи, пытаясь успокоить внутренний хаос и понять, что происходит.

Я продолжил свою прогулку по ледяным улицам, впитывая жуткую красоту замершего мира. Я чувствовал себя единственным зрителем в огромном заброшенном театре.

Пробираясь через снег, я добрался до парка. Ледяные деревья тихо покачивались в неподвижности, их голые ветви словно царапали плотные облака в попытке освободиться.

Осторожно идя по тропинке, которая вела через парк, я вспомнил моменты из детства. Воспоминания о том, как играл в футбол с друзьями в этом самом парке, как смотрел закат с моей первой любовью и слушал музыку в юности.

Теперь, когда я шел по парку, эти воспоминания казались древней историей, трудно было поверить, что все это случилось в мире, который теперь погружен в тишину и неподвижность.

Слева от меня бледное зимнее небо отражалось в пруду, который, казалось, хранил тайну – безмолвную и бесконечную.

Моя первая мысль была, что это сон, и я ущипнул себя на всякий случай. Но моя кожа затрепетала от дискомфорта, подтверждая реальность происходящего.

Мое внимание привлек блеск серебра – велосипед, застывший на пустынной улице. Я пошел к нему и при ближайшем рассмотрении обнаружил, что он не тронут временем. Его цепь была неподвижна, шины не были смяты под весом, на руле не было отпечатков пальцев.

Совсем рядом меня манил открытой дверью продуктовый магазин.

Я подошел к нему, и дверь захлопнулась от ветра. Кассир и трое покупателей внутри застыли, словно восковые фигуры, замерев посреди своих будничных дел.

Некоторые покупатели, замершие в процессе извлечения товаров из своих корзин или пакетов, выглядели неуклюже, будто их разместили в странной галерее искусств – обычные люди, навечно замороженные во времени. Я двигался среди них, слыша только биение собственного сердца, отдающееся эхом в пустых проходах.

Отражаясь от пустых полок, я взял яблоко.

Его кожа была холодной и скользкой под моими пальцами, сохраняя легкую влажность, как будто его только что сорвали.

– Что, черт возьми, здесь происходит? – воскликнул я.

Покинув магазин, я направился в офис, где работал.

Если где-то и должно было продолжаться движение, то в офисе, наполненном постоянным тиканьем часов и механической ритмичностью жизней сотрудников.

Увы, офисное пространство превратилось в какой-то извращенный музей. Все осталось на своих местах, будто жизнь только что оставила отпечаток своего недавнего присутствия. Степлеры все еще лежали на столах, будто готовились к возвращению своих владельцев. Телефоны беспомощно свисали с креплений, голоса в проводах как будто замерли.

И здесь все было мертво.

Вдруг я услышал всхлипывания. Явно плакала девушка.

Ее голос был приглушен, но эхом отдавался в узком пустынном коридоре офиса. Каждый всхлип казался нереальным, усиливая ее призрачное присутствие.

Я последовал на звук плача, пока не нашел его источник. Девушка прижалась к стеклу окна своего кабинета на седьмом этаже. Через слезы, струившиеся по ее лицу, я с трудом узнал в ней сотрудницу коммерческого отдела – скромную девушку, с которой я разговаривал только по работе, когда возникала необходимость. Она работала старшим менеджером, звали ее Виктория.

Следует отметить, что эта стройная красавица с голубыми глазами и длинными темными волосами, всегда одетая в джинсы и черную водолазку, явно не питала ко мне симпатии. Причем при каждой удобной возможности она пыталась это показать.

Я никогда не понимал, в чем была ее проблема. Может быть, ее раздражала разница в возрасте между нами или то, что я просто выполнял свою работу, стараясь поддерживать дружелюбную атмосферу в коллективе.

Как бы там ни было, Виктория никогда особо не симпатизировала мне.

Решительно я постучал по стеклу, и капли влаги вылетели из-под моих пальцев.

Сначала казалось, что Виктория не заметила моего присутствия, что неудивительно в мире, который застыл на месте. Но потом она подняла взгляд и увидела мое отражение в стекле.

На ее лице мелькали эмоции – страх, замешательство, облегчение. Она металась между этими состояниями, когда ее печальные глаза встретились с моими.

Я неуверенно помахал рукой, надеясь передать ей ощущение товарищества между двумя незнакомцами, оказавшимися в этой безвременной ловушке.

Виктория открыла рот, чтобы что-то сказать, но слова застряли у нее в горле.

Она попыталась снова, и на этот раз ее голос прозвучал едва слышно:

– Что происходит? Время остановилось? Почему это случилось, Иван?

Я на мгновение замолчал, прежде чем ответить:

– Я не знаю, Виктория. Я сам только что это обнаружил. Весь город застыл во времени.

Прежде чем я успел что-то добавить, лицо Виктории сморщилось, как хрупкий цветок, увядающий на холоде, и она снова тихо заплакала. Ее слезы не смогли растворить иней, который осел на ее щеках.

Звук ее всхлипываний напоминал пустые эхом отголоски, разносившиеся по безмолвному городу. Эта сцена вызвала во мне волну печали и беспокойства. Я пытался подобрать правильные слова, чтобы утешить одинокую душу и побудить ее поделиться тем, что она могла пережить с момента, когда все вокруг остановилось.

Дыхание Виктории было частым и прерывистым, пока она вытирала слезы рукавом.

– Я шла по коридору, Иван, – прошептала она, – и вдруг все остановилось. Холод пробежал по моей спине, будто я прошла сквозь какой-то призрачный портал. Тишина была оглушающей. Внезапно стало трудно дышать.

– Я не понимаю, – наконец пробормотал я, – ты хочешь сказать, что до этого момента ты двигалась? Все было нормально, а потом, когда ты повернула за угол – случилось что-то странное?

Голос Виктории, дрожащий, пробился сквозь ее сжатые губы:

– Именно так. Все было обычным, банальным. И вдруг, в одно мгновение, все исчезло. Я увидела только застывших людей с безучастными лицами, протянутыми руками, пытающимися ухватить невидимое. Чувство паники и отчаяния сдавило мою грудь, как тяжелый груз.

Время больше не тикало своим привычным, предсказуемым ритмом, а стало ускользающим и зловещим. Оно превратилось в некий замороженный кристаллический лабиринт, из которого не было выхода.

– Но почему я не остановилась вместе с ними? – Виктория подняла на меня глаза, в которых начала проскальзывать отчаянная надежда.

– Вот это я и пытаюсь понять, Виктория. Почему ты и я все еще двигаемся в мире, который застыл во времени, а все остальные превратились в мраморные статуи?

Слова Виктории вызвали у меня дрожь, пробежавшую по спине. Ледяной воздух просачивался в узкий коридор, но холод, который я чувствовал, шел не только от ветра снаружи.

Широкие голубые глаза Вики, наполненные страхом и любопытством, неотрывно смотрели на меня. Ее движение среди неподвижных фигур только усиливало чувство изумления – время остановилось для всех, кроме нее.

Ощущение уязвимости росло, как барабанный бой в наших сердцах, в то время как за окнами царила гнетущая тишина. Я задавался вопросом, сколько еще людей избежали захвата времени, как Виктория.

– Давай подумаем с разных сторон. Возможно, что-то в нас, или нашей жизни или в самом мире не дало нам стать живыми статуями.

Мои слова, вылетая изо рта, прерывали напряженное молчание. Но Виктория, лицо которой выражало страха и недоумение, все также смотрела вперед. Я заметил, как ее пальцы крепко держались за край стола, будто это была ее последняя надежда.

Внезапно ее пальцы начали водить по стеклу, выводя невидимые узоры в нервном напряжении. Было очевидно, что эта тишина ее сводит с ума.

Пустота, которая могла поглотить все вокруг, была невыносимой, и казалось, что ничто не могло заполнить ее.

Я чувствовал, как ледяной воздух, казалось, проникал в меня, сжимая каждую частицу моего сердца.

Время было рекой, которая неуклонно текла своим путем, но вдруг оно остановилось. Этот невозможный момент неподвижности был одновременно захватывающим и пугающим.

Я продолжал смотреть на мир вокруг, осознавая всю тяжесть происходящего. Повсюду я видел сложные картины остановившихся часов, пустых витрин магазинов и прерванных на полуслове разговоров.

Город замер в ожидании, как перевернутая песочные часы, песок из которых отказывался сыпаться.

– Что нам теперь делать? – спросила Виктория.

Ее голос дрожал, когда она смотрела на меня, ища хотя бы крошечный луч надежды или цель, чтобы продолжать двигаться вперед. Я тоже ощущал это срочное желание найти ответы. Мы дрейфовали в океане вопросов, и малейший толчок мог увести нас в неизвестность.

– Я думаю, нам нужно начать с изучения города, – наконец сказал я, – и, возможно, мы найдем других людей, таких, как мы.

Она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, полными страха, но в них мелькала крохотная искра надежды. Я видел, как ее плечи напряглись, готовясь к незнакомому пути, который нам предстояло пройти.

Как два случайных первопроходца, мы должны были отправиться на поиски тайн этого замершего мира.

Виктория медленно кивнула:

– Хорошо, Иван. Я готова. Давай попробуем найти других, как мы.

И так началось наше путешествие по застывшему во времени городу…

Глава 2

Холодный ветер пронесся через город, он проник в мои легкие, вызывая дрожь, пробежавшую от позвоночника к сердцу. Трудно было осознать, что в этом ледяном пустынном городе больше никто не жил. Время, которое раньше измерялось в секундах и минутах, теперь приняло неопределенную форму. Я отбросил эти тревожные мысли, сосредоточившись на нашей необходимости в безопасности. Сейчас нельзя жалеть о том, что ищем жизнь, понял я.

Глядя на Викторию, я увидел отражение своих мыслей: ее глаза были широко раскрыты от ужаса, задерживаясь на неподвижных пешеходах. Она нервно схватилась за мою руку, словно ища утешения от невысказанного страха, который терзал наши сердца.

Мы вдвоем двинулись вперед с опаской, следуя по главной улице, которая теперь казалась печальным проспектом, ведущим к центру города. С каждым шагом мы пробивали толстые слои снега, покрывающего булыжную мостовую, словно шептавшего нам секреты давно ушедших времен.

Пока мы шли, мы увидели огромную паутину на ближайшем дереве, сверкающую инеем. Единственное живое существо, которое мы встретили в то утро, был гигантский паук, который ел неподвижного человека, бесшумно высасывая из него все внутренности. Оба существа, казалось, не замечали нашего присутствия, затерянные в своем молчаливом мире.

Я взглянул на Викторию, которая побледнела, как снег вокруг нас. Мы обменялись взглядами, но ни одно слово не сорвалось с наших губ. Этот чудовищный эпизод казался ночным кошмаром. Я крепче сжал дрожащую руку Виктории, пытаясь успокоить ее, пока мы отходили от ужасного зрелища. Ее пальцы были ледяными, напоминая мне о нашей непростой ситуации.

Мы шли медленно, как будто ступали по осколкам стекла, каждая следующая ступень была осторожной, словно танец на хрупком льду в этом замороженном мире. Вдруг мы услышали шорох позади нас. Паук, уже расправившийся со своей жертвой, направлялся к нам. Его восемь ног двигались медленно и расчетливо, а клыки капали внутренностями человека. Смесь крови, кишок и мертвой тишины вызвала у меня мороз по коже.

Виктория сжала мою руку еще сильнее, давая понять, что чувствовала тот же ужас. Наши глаза встретились, и без единого слова мы развернулись и ускорили шаг, перейдя на бег. Наша обувь громко хрустела по ледяной мостовой, это был единственный звук во всем городе.

Паук двигался быстрее, чем мы ожидали. Его длинные тонкие ноги тарабанили по ледяной земле, когда он гнался за нами. Мое сердце стучало, создавая ритм для наших стремительных шагов. Я бросил взгляд через плечо и увидел, как чудовищный арахнид, окрашенный в ужасные красные пятна, ускорил свой бег.

Ледяной воздух резал мне кожу, когда мы мчались вперед, и я ощущал, как горький холод захватывал меня с каждым тяжелым вдохом. Вдалеке я увидел контуры своего дома, будто он наблюдал за безмолвным городом своими немыми глазами. Я крепче сжал руку Виктории, как будто она была единственной связью с этим жестоким миром.

Мои мысли мчались также быстро, как и сердце, было почти невозможно осознать наше текущее положение.

– Вот мой дом, – кивнул я на десятиэтажное здание, – бежим туда!

Мы бросились вперед. Мои суставы скрипели, но страх придал мне сил. Я открыл зеленую дверь, и мы с Викторией вломились внутрь. Я оглядел знакомую прихожую – никаких признаков жизни, ни одного движения. Я почувствовал укол грусти, когда мой взгляд упал на любимую вазу моей матери с лилиями. Идеально сохраненная, но навсегда застывшая в своей хрупкости, как и многие в этом забытом временем мире.

Теперь нас окружила тишина в безопасности моего дома. Мое сердце постепенно успокаивалось, лишь изредка прерываемое эхом нашего дыхания. Я бросил ключи на стол у входа, они тихо звякнули, ударившись друг о друга. Мы с Викторией обменялись взглядами, и я снова ощутил дрожь по всему телу.

Несмотря на ощущение облегчения, заполнившее мои вены, жуткая сцена, которую мы наблюдали, отпечаталась в моей памяти. После того как я закрыл входную дверь, мы двинулись вглубь квартиры. Теплый золотистый свет внутри приветствовал нас, отражаясь на снегу и инее снаружи. Прихожая казалась забытой реликвией прошлого, безупречно сохранившейся в этом странном мире, где время остановилось.

Я подошел к винтажным настенным часам, замечая отсутствие их тихого, глубокого тиканья. Вместо этого маятник замер в середине взмаха. Слой пыли скрывал серебряный циферблат, рассказывая молчаливую историю о том, когда кто-то последний раз заводил их много лет назад.

Виктория шла за мной, ее дыхание все еще было прерывистым и рваным после нашего жуткого столкновения. Я видел, как ужас был глубоко запечатлен на ее лице; ее губы слегка поджаты, а в глазах отражалась ослепляющая белизна города за окнами.

Самым удивительным было то, что электричество в квартире работало, как прежде. Бойлер для воды работал. Воспользовавшись сохранившимися благами цивилизации, я включил электрические обогреватели по всему дому.

Тепло, наполнившее комнату, создало иллюзию спокойствия, освобождая нас от укуса холода, который угрожал заморозить нас.

Мы направились на кухню, глубже погружаясь в знакомую обстановку моего дома. Я открыл холодильник, внимательно осматривая его содержимое: лук, шпинат, остатки лазаньи и испорченное молоко. Несмотря на голод, ничто из этого не вызывало аппетита.

– Может, стоит что-нибудь приготовить? – пробормотал я. —Ты хочешь выпить? – спросил я Вику, доставая из холодильника бутылку виски. – Немного алкоголя согреет нас.

Она нерешительно покачала головой и крепко обхватила себя руками, пытаясь согреться в холодной кухне. Я не мог её винить. Открыв бутылку виски, я налил немного тёмного янтарного напитка в два стакана.

Резкий запах копчёного дуба, поднимавшийся из бокалов, напомнил мне о зимнем вечере в баре прошлой зимой. Я быстро отогнал эти воспоминания и протянул один стакан Виктории.

– Спасибо, – пробормотала она, обхватывая стакан обеими руками.

Мы сделали по маленькому глотку, наслаждаясь теплом, которое медленно разливалось по горлу. Наше дыхание стало ровнее по мере того, как мы привыкали к теплу.

– Виктория, – сказал я, дела я паузу перед тем, как продолжить, – почему ты решила довериться мне и пойти со мной? Этот вопрос мучил меня с тех пор, как мы вышли на улицы этого мёртвого города.

Она замялась, нахмурив брови, будто подбирая правильные слова:

– Иван, мне ты никогда не нравился. Честно говоря, я не хотела с тобой работать в офисе. Но когда я увидела тебя на той площади, когда всё остановилось и нас окутала тишина, что-то изменилось. Я посмотрела тебе в глаза и увидела страх, неуверенность – и глубокую, неоспоримую волю к выживанию. Именно тогда я поняла, что могу доверять тебе.

Сильный порыв ветра ворвался в дом, пронёсся по прихожей и исчез, оставив после себя ещё более холодную тишину. Это было жутким напоминанием о реальности, царящей за дверью. Я невольно содрогнулся, глядя на Викторию.

Её признание словно растопило лёд между нами, но в то же время принесло новую волну тревоги. Внутри меня тепло от алкоголя смешивалось с беспокойством. Мы находились в раз-

гаре невообразимого кризиса, и не было никакой уверенности в том, что нас когда-нибудь спасут.

Наконец я ответил:

– Виктория, я искренне благодарен, что ты выбрала довериться мне – это значит больше, чем ты можешь себе представить – начал я неловко, – никогда не понимал, почему ты меня не любила. Но сегодня я увидел в тебе сострадание и доброту. Ты не должна была идти со мной в это опасное путешествие, но ты пошла, и я благодарен за твоё присутствие здесь, среди этих ледяных стен.

Девушка слабо улыбнулась в ответ, её глаза отражали сложную смесь эмоций. Я решил не углубляться в её мысли и вместо этого убрал еду из холодильника и начал готовить что-то тёплое.

Пока я занимался готовкой, Виктория заговорила снова, словно решив продолжить:

– Я не просто не любила тебя, Иван. Я не выносила тебя, – она покачала головой, усмехнувшись над собой. – Ты казался мне таким высокомерным, а с другой стороны, у тебя были порой такие шутки, что мне казалось, что у тебя не всё в порядке с головой.

Я приостановил свои действия, прислушиваясь к её честным словам, которые разрывали тяжёлую тишину, повисшую в доме.

Солнце начало садиться за горизонт, отбрасывая удлинённые тени по всей кухне. Мы оказались окутаны странным ощущением мира, которое казалось невыносимо нереальным в свете происходящих событий. Я посмотрел в окно и увидел, как последние лучи дневного света блестят на заснеженных крышах, добавляя ещё один слой магии этому необъяснимому тихому месту.

Вуаль сумерек опустилась на город, окутывая его острым эфемерным сиянием. В тускнеющем свете каждый электрический импульс казался пульсирующим, мигающим и сжигающим своё последнее усилие, как будто город не желал сдаваться наступающей ледяной тьме.

Виктория, немного согревшись, сидела напротив меня за обеденным столом, её тонкие пальцы обхватывали кружку с горячим чаем. Она пристально смотрела на янтарный напиток, словно пытаясь найти в нём ответы.

Потом мы переместились в гостиную. На всякий случай я решил включить телевизор. То, что мы увидели там, было похоже на абсурдный театр, полнейший бред.

Я медленно увеличил громкость на пульте, надеясь, что он покажет нам какой-то сигнал из внешнего мира. На экране стоял ведущий и выкрикивал непристойности. Я переключил канал. Там показывали общественный туалет, в котором люди справляли нужду, и ведущий за кадром комментировал их действия. Слова были вульгарными и неуместными для такого дня.

На другом канале шёл популярный мультсериал, но его содержание совершенно не соответствовало оригиналу. Главные герои беспорядочно занимались сексом.

– Иван, что случилось с миром всего за один день? – спросила Виктория, ужас в её глазах был невыносим.

Я покачал головой и глубоко вздохнул:

– Я не знаю, но думаю, это как-то связано с этим, – сказал я, указывая на огромные настенные часы, которые застыли во времени.

Мое сердце сжалось, когда я обдумал последствия этого замершего времени. Будто мир был вырван в жестокий момент, где правит тишина, а жизнь повисла на грани.

Однако электричество в доме продолжало работать, и мы не остались в полной темноте. Я оглядел комнату, залитую тусклым светом. Маленькая лампа на угловом столике отбрасывала мерцающие тени на лицо Виктории, на котором теперь виднелась целая палитра эмоций, которые она отчаянно пыталась скрыть.

За окном город превратился в безмолвную скульптуру, ледяную могилу, в которой были погребены и смех, и печаль. Когда-то оживлённый мегаполис теперь казался призрачным театром, где единственная аудитория сидела, тесно прижавшись друг к другу в моём доме.

Когда ночь опустилась на город, я достал из кухни бутылку виски, и мы с Викой не придумали ничего лучше, чем напиться.

Когда я открыл глаза утром, моя голова болела так сильно, что казалось, она расколется. Вкус во рту был отвратительным. Обнажённая Виктория лежала рядом, прижимаясь ко мне, я тоже был полностью раздет.

Вика открыла глаза и с хрипотцой спросила:

– Что между нами было ночью?

Я вздрогнул и попытался подобрать правильные слова. Мои руки были влажными, и разум метался в хаосе от странных обстоятельств.

– Вика, – начал я неуверенно, – то, что произошло прошлой ночью, было невольным, продиктованным нашим положением, холодом ночи и желанием найти человеческое тепло в этом холодном, пустом мире. Я надеюсь, ты понимаешь.

Я старался подобрать слова с осторожностью, взвешивая каждый слог, прежде чем он слетит с моих губ. Было важно, чтобы она поняла, что я не отношусь к нашей ночи легкомысленно.

Она, сосредоточив взгляд на застывшем изображении на экране телевизора, размышляла над моими словами. Бесчисленные эмоции мелькали на её лице, и отсутствие жизни в комнате лишь усиливало тяжесть этого важного момента. Наконец, она посмотрела на меня, её глаза, хотя и настороженные, несли в себе отблеск понимания.

Её голос дрожал, когда она ответила:

– Я понимаю, Иван. Я понимаю, что мы оба были уязвимы. Но я не уверена, что готова к чему-то большему, чем просто выживание. Того мира, который мы знали, больше не существует. – закончила Виктория, её голос затих, словно растворяясь в окружающей нас тишине.

За окном снег продолжал свой беззвучный танец, будто подчеркивая её слова. Я почувствовал, как воздух в комнате стал тяжёлым, напоминая о безысходности нашего положения. Я положил руку на неё, пытаясь передать Виктории хотя бы немного тепла и утешения.

– Я понимаю, Виктория. Честно. Я понимаю, – тихо ответил я.

Она на мгновение замерла, словно раздумывая, стоит ли продолжать разговор, но потом вдруг приблизилась ко мне:

– Тогда почему бы нам не продолжить? – прошептала она, прижимаясь ко мне.

В комнате было холодно, но наши тела начали излучать тепло. Виктория наклонилась и нежно коснулась моих губ своими, её лёгкое прикосновение разожгло искру желания во мне. Я взял инициативу в свои руки, притянув её ближе, страстно и нетерпеливо желая ощутить её тепло. Мы жадно целовались, а наше влечение, вызванное страхом и одиночеством, усиливалось в условиях этого странного и замороженного мира.

Мы оба искали тепла живого прикосновения, этого иллюзорного ощущения жизни, которое может подарить физический контакт.

Спустя некоторое время мы сидели на кухне, уже одетые, с чашками горячего кофе в руках. Пар, поднимающийся из наших кружек, был приятным контрастом с ледяной атмосферой за окнами. Виктория задумчиво смотрела на свою кружку, словно её размышления крутились вокруг вопроса, который она не решалась озвучить.

Её лицо казалось задумчивым, и я видел, что её что-то беспокоит. Она редко делилась своим прошлым, но сегодня, похоже, была готова.

– Ты когда-нибудь чувствовал, что застрял? – вдруг спросила она, её голос прозвучал тихо, почти неуверенно.

Я поднял голову от кружки.

– Ты о чём? – осторожно спросил я.

– Как будто жизнь идёт, но не вперёд, а по кругу. Всё повторяется снова и снова, и ты не знаешь, как это изменить, – она подняла глаза, и в них отразилась тень той боли, которую она так тщательно скрывала.

– Было пару раз, – честно ответил я. – Но это всегда временно. А у тебя?

Виктория сделала глубокий вдох и тихо рассмеялась – коротко, горько.

– У меня это было почти всю жизнь, – сказала она. – Особенно здесь, в Горнинске.

Она немного помолчала, будто собиралась с мыслями.

– Я всегда была той, кто делает всё правильно. Дома, в школе, на работе. Мои родители воспитали меня так, что любой успех нужно заслужить. Они много работали, старались дать мне и сестре лучшее, но это не оставляло времени на что-то большее, чем просто обязанности.

Я молчал, слушая её. Её голос становился мягче, словно она говорила не мне, а самой себе.

– Отец был инженером, мать – бухгалтером. Всё у нас было расписано: завтрак в семь утра, уроки, помощь по дому. Не было места ни для спонтанности, ни для разговоров по душам. Я их не виню, они делали, что могли. Но… – она задумалась, проводя пальцами по краю кружки. – Это сделало меня тем, кем я стала. Слишком серьёзной. Закрытой.

Я чуть приподнял бровь, но ничего не сказал. Она продолжила:

– В школе я была отличницей. Учителя меня любили, а вот одноклассники… не очень. Они думали, что я высокомерная, что считаю себя лучше других. Но это не так. Просто я всегда боялась сделать ошибку. Боялась, что меня осудят. И поэтому я никогда никого не подпускала близко.

Она взглянула на меня, её глаза на мгновение стали влажными, но она быстро отвела взгляд, сделав вид, что смотрит в окно.

– После школы я поступила в местный университет. Уехать не получилось. Родители рассчитывали на мою помощь. А потом началась работа. В Горнинске вариантов немного, поэтому я устроилась в коммерческий отдел. И знаешь что? – она горько усмехнулась. – Я думала, что теперь всё изменится, что это будет начало новой жизни. Но оказалось, что всё по-прежнему.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал мягко.

– Горнинск – это клетка, Иван. Люди здесь живут, будто завтра ничего не изменится. Они боятся выделяться, боятся мечтать. На работе – зависть, интриги, сплетни. Один раз мой руководитель подставил меня в отчёте, чтобы прикрыть свою ошибку. Тогда я поняла, что нельзя никому доверять.

Она сделала ещё один глубокий вдох, стараясь успокоиться.

– Ты знаешь, что я сделала тогда? – спросила она, но не дождалась ответа. – Я продолжила работать, как будто ничего не случилось. Я снова всё сделала правильно. Но внутри… внутри я была раздавлена.

– Это многое объясняет, – сказал я тихо, глядя на неё.

Она посмотрела на меня с лёгкой улыбкой.

– Да, наверное. Я привыкла контролировать всё. Свою жизнь, свою работу, свои эмоции. Это легче, чем снова доверять, снова рисковать. Но знаешь, что в этом самое ужасное?

– Что? – осторожно спросил я.

– Это одиночество, – сказала она, и её голос дрогнул. – Даже когда вокруг много людей, ты всё равно чувствуешь себя одной. Потому что не можешь довериться никому. Потому что боишься, что тебя снова предадут.

Я потянулся через стол и взял её за руку. Её пальцы были холодными, но она не убрала их.

– Ты многое пережила, – сказал я. – Но теперь ты не одна. И тебе больше не нужно всё держать в себе.

Её глаза встретились с моими, и я увидел в них искру надежды.

– Спасибо, Иван, – сказала она. Её голос звучал чуть теплее. – Спасибо, что слушаешь.

Мы замолчали, но в этой тишине было больше слов, чем в любом разговоре. Виктория впервые открылась мне, и я понял, что это начало чего-то большего. Она больше не была той холодной, отстранённой женщиной, которую я встретил в офисе. Она была настоящей, живой. И это было самым важным.

Через какое-то время Виктория подняла глаза и спросила:

– Что будем делать дальше?

Её голос был тихим, но в нём чувствовалась решимость. Мы оба понимали, что не можем вечно прятаться в этом доме, где стены могут сдержать холод, но не страх.

Я сделал глоток кофе и поставил кружку на стол. Жидкость плеснула и оставила тёмную полосу на поверхности. Этот момент на мгновение вернул нас в прежнюю реальность, напомнив, как раньше повседневные мелочи имели значение.

– Нам нужно выяснить, что случилось, – медленно проговорил я, обдумывая каждое слово. – Это ненормально. Мы не можем всё время оставаться здесь взаперти.

Мы понимали, что предстоящее было опасным, но необходимость двигаться дальше, искать ответы и, возможно, других выживших, пересиливала наш страх.

– Значит, мы пойдём в город? – переспросила Виктория, её голос дрожал, но она не отвела глаз.

– Да, думаю, нам нужно рискнуть. Попробуем найти край этого апокалипсиса, – решительно ответил я.

Мы начали собираться. Я достал свои зимние ботинки, натянул толстое пальто и завязал кашемировый шарф вокруг шеи. Виктория надела шапку, плотные варежки и шарф. Мы оба понимали, что это не прогулка, а путешествие в неизвестность, возможно, в ещё большую опасность.

Когда мы вышли наружу, морозный воздух моментально обжег наши лица, и снежные кристаллы, сверкавшие в первых лучах утреннего солнца, напоминали о хрупкости окружающего мира. Каждый наш шаг сопровождался громким хрустом снега, который зловеще эхом разносился по пустынным улицам.

Город казался ещё более мрачным в этом утреннем свете, словно природа, окутанная снегом и льдом, насмехалась над нашей храбростью. Пустые окна домов смотрели на нас безжизненными глазами, а уличные фонари замерли, как безмолвные стражи времени, которое теперь казалось остановленным.

Мы шли всё дальше и дальше, надеясь найти хоть кого-то, но вокруг была лишь ледяная пустота, поглотившая жизнь.

Глава 3

За одни сутки в город пришла зима.

Ошеломлённые тишиной, окутавшей ледяной город, мы с Викторией осторожно пробирались через сверкающие, припорошенные снегом улицы.

Окна, украшенные узорами инея, безмолвно следили за нами, пока замороженные и искажённые фигуры неподвижно стояли на тротуарах. Казалось, мир застыл во времени – тьма и вечный зимний холод охватили всё вокруг.

Немногие здания, в которые мы осмелились войти, были лишь пустыми оболочками. Проходя через зловещие, заброшенные помещения, мы ощущали тяжесть одиночества, давящую на нас.

Мы не могли позволить страху поглотить нашу надежду и стремление к человеческому контакту.

Поэтому осторожно подходили к каждой фигуре, напоминающей человека, но всякий раз нас встречала лишь неподвижность и мёртвый замороженный взгляд. Мы пересекли крышу торгового центра, с которой открывался панорамный вид на город, простирающийся на многие мили, где каждую улицу и здание погребали слои снега, льда и печали.

На этом городском леднике мы пытались связаться с внешним миром через единственную вышку сотовой связи, стоящую на крыше.

Вой ветра превратился в далёкую и зловещую симфонию, насмехаясь над нашими жалкими попытками.

Виктория положила свою руку в перчатке на телефон, пытаясь восстановить связь с остатками цивилизации. Её глаза скользили по светящемуся экрану, но тот лишь отражал наше отчаяние, возвращая бесчисленные сообщения «Сбой сети». Мы стояли вместе, беспомощные и одинокие, как последние крупицы надежды растворялись в надвигающейся зимней тьме.

Но тут, я заметил место в двух кварталах отсюда, светящееся неоновыми огнями. Там явно кто-то был – из открытой двери клубился пар.

Я указал на это место Виктории.

– Смотри, там, скорее всего, люди, – возбуждённо воскликнул я.

Я показал на светящееся неоновое табло вдалеке, единственный источник света в бесконечной полосе темноты.

Мерцающий свет манил нас, как убежище в этой ледяной пустоши. Моё сердце бешено колотилось, замирая от надежды. Но, несмотря на волнение, я был настороже. Если там были выжившие, они могли оказаться жестокими и опасными, готовыми на всё, чтобы защитить себя.

Через некоторое время мы осторожно пробирались по ледяным улицам, нарушая гнетущую тишину лишь скрипом наших шагов.

Мы подошли к двери, ведущей в неоново-освещённый бар, который стал для нас маяком среди морозной пустоты. Я взглянул на Викторию – в её глазах мелькала искра надежды, но также и значительная доля тревоги.

Робко мы толкнули дверь и вошли внутрь. Тёплый влажный воздух обволок нас, словно долго сдерживаемое дыхание.

Бар был тёплым и слабо освещённым, тусклое свечение старых неоновых вывесок отражалось от полированных деревянных поверхностей.

Постепенно мои глаза привыкли к темноте, и я заметил явные признаки того, что заведение работает как обычно.

Из приоткрытой двери в служебное помещение доносился голос человека, говорящего с кем-то.

По его тону было ясно, что мужчина о чём-то договаривался или отчитывался.

Я наклонился, чтобы уловить его слова, и до меня донеслось:

– …и буксир? Они получили свои номера? – спросил мужчина, его голос был хриплым и грубым.

Пауза, затем я почти услышал, как он прочищает горло перед ответом.

– Подтверждаю. Двенадцать сотрудников, как договорились.

Седовласый старик с обвисшим лицом вышел из служебной двери. Увидев нас, он широко улыбнулся:

– Мои первые посетители. Добро пожаловать в «Лавку Бенесфера!». Бенесфер – это я, торговец миром. Так что, молодые люди, хотите что-нибудь купить или продать? – спросил он.

Голос мужчины был глубоким и раскатистым, в нём чувствовалась непроизнесённая мудрость и сложная история.

«Лавка Бенесфера» была не похожа на любой другой магазин в этом мире.

Единственными источниками света были несколько мерцающих свечей, отбрасывающих на стены огромные тени и оставляющих на полу янтарные пятна. Тени безумно танцевали на стенах, словно отчаянно пытаясь вырваться из древней земной тюрьмы.

– Итак, – сказал Бенесфер, – я к вашим услугам.

В нём ощущалась некоторая загадочность, что одновременно вызывало у нас интерес и настороженность. Его улыбка была тёплой, но в ней таилось что-то расчётливое, а его проницательные глаза казались всепроникающими.

Виктория, едва слышно, спросила:

– Что вы здесь делаете?

Бенесфер снова широко улыбнулся.

– Я предлагаю надежду, моя дорогая. И, возможно, выход, – ответил он, его глаза блестели в тусклом свете свечей.

Я обменялся с Викторией озадаченным взглядом. Этот странный торговец, казалось, намекал на нечто большее, чем простая торговля.

– И в чем заключается эта надежда, Бенесфер? – осторожно спросил я, чувствуя, как моё любопытство растёт. Если этот человек действительно мог нам помочь, я был готов слушать.

Его спокойное поведение не дрогнуло, когда он ответил:

– Я торгую душами. В этом замороженном мире, где живые стали узниками холода, моя лавка предлагает шанс вырваться и вернуться к нормальной жизни.

Озноб пробежал по моему телу, от этих слов. Доверять ему было непросто, но наше отчаянное положение эхом отзывалось в этой тихой комнате.

– Как и зачем? – срывающимся голосом спросил я, нарушая тишину.

Его глаза сузились, задумчиво разглядывая нас, прежде чем он заговорил.

– Души – это всё, что остаётся от нас, когда мы умираем. Я обмениваю их на способность двигаться, дышать и снова жить. Я – Бенесфер, миротворец, и я стою в сердце этого замороженного города, предлагая вам то, что вы так отчаянно ищете.

Откровение Бенесфера поразило нас с Викторией.

– Я расскажу вам больше, но только если вы мне доверитесь. Подойдите ближе.

Бенесфер жестом указал на пустой стол, укрытый в тенях комнаты, и, обменявшись взглядом, мы осторожно подошли.

Деревянный пол заскрипел под нашими ногами, и тёплый янтарный свет свечей создал атмосферу интимной беседы.

– Садитесь, – скомандовал он.

Мы с Викторией подчинились и пристально смотрели на него, ожидая разъяснений.

– Вы, должно быть, заметили необычные обстоятельства вашего положения, – начал Бенесфер, его глаза, отягощённые невыраженной мудростью. – Замороженный город снаружи – это панорама тишины и неподвижности. Мир, законсервированный во времени, словно пойманный в моменте зимней сказки.

Его голос едва ли был громче шёпота, но он звучал глубоко и торжественно, словно объявлял мрачную истину.

Между мной и Викторией проскользнула искра беспокойства. Я наклонился вперёд, чувствуя, как жёсткая ткань кресла царапала мою кожу.

– Что вы имеете в виду под выражением "законсервирован во времени"? – спросил я, внезапно чувствуя пересохшее горло и ощущая, как сердце неровно стучит в груди. – Как это случилось и почему?

Мой вопрос повис в воздухе на мгновение, словно боясь нарушить хрупкую тишину нашего вновь обретённого убежища.

Свет мерцающих свечей отбрасывал танцующие тени на лицо Бенесфера. Его водянистые глаза встретились с моими, как будто он обдумывал значимость моего вопроса. Наконец, едва заметно кивнув, он продолжил:

– Мир снаружи – этот замороженный город, когда-то бурлящий жизнью и теплом, – был погружён в вечную зиму таинственной силой, которую никто не мог ни объяснить, ни понять.

Это случилось внезапно, без предупреждения, превратив всё в ледяную могилу, отрезав все связи с внешним миром.

Грустная тишина окутала нас, когда мы начали осознавать масштаб слов Бенесфера. Несмотря на то, что прохладные стены бара предлагали убежище от горького холода снаружи, осознание того, что замороженный город является постоянным состоянием, привносило в наше сознание трезвую реальность.

– Итак, вот что я предлагаю, – продолжил Бенесфер. – Вы можете обменять свою душу после смерти на возможность покинуть город сейчас и вернуться к нормальной жизни. Более того, вы можете обменять свою душу на душу вашего родственника или друга, который заморожен. Разумеется, ваша душа будет забрана после вашей смерти.

– Кто её заберёт? – спросил я.

Тяжёлый вопрос повис в теплом свете мерцающих свечей, и тишина продолжала накапливаться, словно опавшие осенние листья под нашими ногами.

– Тёмные старейшины заберут её, – ответил он торжественным голосом, – но их невозможно удовлетворить лишь платой. Каждая сделка с ними будет стоить жизни невинных душ. Долг, который возникает, должен быть погашен, а я – всего лишь посредник. Души, которые я собираю, я передаю Тёмным старейшинам, и за них вы можете купить свою свободу или возродить любимого человека.

Его откровение эхом раздалось в пустом пространстве наших мыслей, словно волны, бьющиеся о берег, смывая слой за слоем моральной двусмысленности.

Абсурдность торговли человеческими душами была почти комичной, но я видел огонь в глазах загадочного торговца.

– Кто такие эти Тёмные старейшины и почему им нужны души? – спросил я.

Бенесфер выдержал паузу, прежде чем ответить:

– Они древние существа, питающиеся эмоциями – в основном страхом, страданиями и отчаянием. Когда город впадает в это замороженное состояние, Тёмные старейшины захватывают его жителей, высасывая из них надежду и счастье, оставляя лишь отчаяние и страдания. Души, которые они собирают, поддерживают работу сложной и древней машины, которая поддерживает их царство.

– Бенесфер сделал паузу, будто тщательно взвешивая свои следующие слова, и продолжил:

– Однако если эта машина остановится, баланс всех миров окажется под угрозой, что приведёт к непредсказуемым последствиям. Таким образом, эти души играют важную роль в поддержании равновесия не только в нашем мире, но и в других мирах, которые мы не можем постичь.

Я здесь, чтобы предложить вам возможность вернуть нормальность и спасти тех, кого вы любите, от холодного плена этой бесконечной зимы. Цена, как я уже сказал, – это ваша душа, но знайте, что её не будут держать в заложниках или использовать в злонамеренных целях. Тёмные старейшины требуют души для поддержания своего мира, поскольку они существа, питающиеся страданием и отчаянием, которые существуют в этом замороженном городе. Умиротворяя их человеческими душами, я поддерживаю баланс нашей реальности. В обмен на вашу душу вы будете освобождены из этого вечного плена, свободны жить жизнью, не связанной ледяными оковами.

Мои глаза встретились с Викторией, и мы молча размышляли над тревожной сутью его откровений.

В этот момент до меня наконец дошло всё безумие ситуации и чудовищность предложения старика.

– Так значит, ты торгуешь людьми, старый козёл? – выдохнул я с яростью, схватив его за ворот. – Твоё место в лучшем случае в психушке, а в худшем – в тюрьме, до конца жизни!

Не говоря ни слова, Бенесфер оттолкнул меня с такой силой, что я рухнул на ледяной пол. Боль пронзила всё моё тело, и я не смог сдержать проклятия, вырвавшегося у меня из груди.

Но я поднялся, отряхиваясь, полон решимости узнать больше об этом странном человеке и его истинных намерениях.

Виктория стояла рядом, её ноги дрожали, она явно была в шоке, сочетая в себе страх и отвращение.

– Тёмные старейшины – могущественные существа; их уважают и боятся, – сказал Бенесфер, доставая из кармана маленький серебряный медальон.

Он медленно открыл дверь за собой, и нам открылась кирпичная стена, внутри которой были ячейки, в которых находились сосуды с горящим пламенем.

– Это человеческие души, – произнёс Бенесфер. – Вам не страшно стать моими заключёнными, молодые люди? Ведь я всегда найду человека, готового продать мне ваши души. – Голос Бенесфера капал угрожающей иронией, его слова растягивали напряжение, словно натянутую до предела струну.

Глаза Виктории широко распахнулись от ужаса при виде маленьких сосудов, внутри которых плясали огоньки, похожие на крошечные души, томящиеся в вечных мучениях. Это было словно воплощение самого кошмара – души, запертые в этих сосудах, вынуждены вечно гореть и страдать, подобно тысячам угасающих солнц.

Этот призрачный тюремный мир шокировал меня до глубины души, разбудив во мне такой страх, о существовании которого я даже не подозревал.

– Вы видели достаточно, – предостерёг Бенесфер голосом, хрипящим под тяжестью мира. – А теперь вы знаете цену, которую все мы должны заплатить, чтобы поддерживать хрупкий баланс нашей вселенной. – Он крепко сжал медальон в своей костлявой руке, его драгоценный металл мрачно блестел в колеблющемся свете свечей.

Как будто отвечая на невыразимый вопрос, он продолжил:

– Они остаются здесь заключёнными, мучимыми своей же тюрьмой, но поддерживают хрупкое равновесие нашей реальности. Теперь ваш выбор – остаться или уйти.

Тяжесть слов Бенесфера впивалась в меня, словно ледяные осколки, пробуждая первобытный страх, сковывающий моё сердце, и угрожая заморозить мою душу.

Бенесфер погладил свою бороду, в глазах мелькнула тень сожаления.

– Итак, я предложил вам сделку, – сказал он. – Время сделать выбор. Если нет, уходите отсюда и благодарите судьбу, что вы ушли отсюда живыми.

– К чёрту тебя, урод! – выругался я, схватив Викторию за руку и потянув её прочь из этого кошмарного заведения.

Холодный воздух встретил нас обжигающим ударом по лицу, напоминая о суровой реальности за пределами тепла.

Держась за руки, мы перешагнули через порог и снова оказались на открытой улице.

Когда мы пробирались по улицам, страх сковывал моё сердце, словно ледяные щупальца, а фигура Бенесфера всё ещё стояла перед моими мысленными глазами, словно тень, нависшая над нашими жизнями.

Я бросил взгляд на Викторию, её глаза отражали смесь ужаса и неверия. Лицо её было бледным, губы слегка приоткрыты, на нём застыла маска абсолютного ужаса.

Тем временем опустевшие ранее улицы начали заполняться странными и ужасными существами, явно не из нашего мира.

Медленно и бесшумно, словно пауки, они передвигались по стенам, потолкам и тротуарам; их бледные, болезненно тонкие конечности растягивались в поисках добычи. В воздухе раздавались истошные крики людей, охваченных паникой, когда до них дошло осознание того, что их ждёт.

Мы были на пути к неизбежной гибели, и мои мысли метались, пытаясь осмыслить происходящее. Мой разум был переполнен безумными вопросами о настоящем происхождении Бенесфера и этих потусторонних созданий. Были ли они частью какого-то грандиозного замысла, или всё это была лишь сложная иллюзия?

Неопределённость пробирала меня до костей, заставляя мурашки бежать по коже, и холод этого замороженного города проникал в мою душу.

С каждым шагом вперёд Виктория и я погружались всё глубже в темноту, в водоворот отчаяния и замешательства, затягивающий нас в свои неумолимые когти. Жуткая тишина, когда-то окутывавшая город, теперь разрывалась кровавыми криками, пронзающими тяжёлый воздух, а кошмарные существа приближались всё ближе, сверкая своими светящимися глазами и острыми, как бритва, зубами.

Манифест Бенесфера, зловещий и жуткий, эхом раздавался у меня в голове, значение которого я ещё не мог полностью осознать. «Мы – архитекторы своей судьбы, – говорил он. – И судьба этого города зависит от вас».

Жестокая ирония этого откровения грызла мой разум, пока мы с Викторией бежали по безжизненным улицам, за нами гнались чудовищные фигуры, некогда бывшие невинными душами, попавшими в ловушку в зловещих махинациях Бенесфера.

Глава 4

Виктория и я осторожно ступали по пустынным, заледенелым тротуарам заброшенного города, когда увидели свет в одном из продуктовых магазинов. Когда мы подошли ближе, через стеклянную витрину увидели, что в центре зала был сооружен костёр, вокруг которого сидело около десятка человек. Некоторые из них взглянули в нашу сторону, но, узнав нас как незнакомцев, быстро отвели глаза. Моей первой мыслью было, что, возможно, они боялись неизвестного или не хотели отвлекать нас от их бдительности.

Я осторожно толкнул дверь, её заржавевшие петли заскрипели с пронзительным скрипом. Когда мы вошли, теплое свечение небольшого костра отбрасывало танцующие тени на лица тех, кто сгрудился вокруг. Меня охватила тревожная волна облегчения: эти люди, как и мы, были выжившими – свидетельством несломленного духа человечества, которое борется вопреки всему.

Лидер этого небольшого сообщества встал, чтобы поприветствовать нас. Это был высокий худощавый мужчина с густой бородой и пронзительным взглядом, который, казалось, проникал прямо в мою душу. Его взгляд одновременно наполнил меня необъяснимым теплом и холодящим ужасом, как будто он был способен распознать все мои тёмные страхи. Казалось, что его окружает ореол почтения, другие выжившие наблюдали за ним с нервным ожиданием, как будто за его плечами скрывались неизвестные победы и испытания.

Он протянул нам руку и, сдержанным голосом, произнёс:

– Здравствуйте. Меня зовут Анатолий. Добро пожаловать в убежище.

Мы представились, после чего Анатолий продолжил:

– Наверное, вы задаетесь вопросом, как нам удалось выжить в этом промёрзшем городе. Наш ответ прост – адаптация, – заявил он, глаза его сверкнули невыразимыми тайнами.

Харизма Анатолия была буквально электризующей. Он завладел вниманием всей комнаты одним лишь звуком своих слов. О каком объяснении шла речь? И что им пришлось сделать, чтобы противостоять замерзанию? Анатолий прочистил горло, прежде чем поделиться их "секретом".

Но, как оказалось, никакого секрета не было. По его словам, когда этот кошмар начался, он обнаружил, что, в отличие от других, не замерз. Постепенно к нему стали присоединяться такие же люди. Среди них был учёный, который предположил, что замерзание вызвано дисбалансом заряженных частиц в атмосфере, что заставило время остановиться. Однако электричество в городе продолжало работать. Никто не знал, откуда оно поступало, можно было лишь предположить, что от сетей в других частях страны.

– И кто-нибудь пытался покинуть город? – спросил я.

– Пытались, – ответил Анатолий, – но проблема в том, что за городом начинается пустота, там просто ничего нет, – заключил он, стараясь держать голос ровным.

Было ясно, что на пути к выживанию в этом таинственном мире они испытали немало отчаяния и горя. Группа, собравшаяся у костра, обменивалась взглядами, как будто вновь переживая все трагические моменты в своих мыслях. Я почти мог услышать тревожную тишину, встречавшую тех, кто осмеливался войти в неизвестное, и ту же тишину, что следовала за несчастными, поглощёнными тьмой.

Виктория всё ещё крепко держалась за мою руку, её тело едва заметно дрожало, пока Анатолий продолжал делиться своими знаниями. Это было странно – видеть такую силу и стойкость в этой маленькой общине людей, которые, не зная друг друга, собрались вместе, чтобы выжить в столь мрачные времена.

– Трагично то, что наша группа нестабильна, – сказал Анатолий, его голос оставался спокойным, несмотря на серьёзность темы. – Время от времени мы теряем людей в этой неизвестности, и с каждым разом это подрывает наши силы. Мы устраиваем похороны как можем, оставляем временные памятники на пустынных углах улиц, где они исчезли, их души поглощает бесконечная пустота.

После этого мы поделились с новыми товарищами ужасной информацией о Бенисфере и о том бизнесе, который он открыл в городе.

– Это очень плохо, – ответил Анатолий, почесывая подбородок. – Многие выжившие здесь не имеют ни родных, ни близких. Они готовы продать душу за что угодно. Им всё равно, что мир исчезает.

Угнетающая атмосфера в продуктовом магазине потрескивала и искрилась, как огонь, что согревал наши уставшие тела. Среди хмурых лиц и растерянных душ искра негодования вспыхнула в глазах худощавой женщины. Её руки дрожали от едва сдерживаемого гнева, глаза блестели в тусклом свете костра. Она вышла вперёд, обхватив себя руками, словно защищаясь от холода, который только она могла ощущать.

– Мы не можем позволить этому человеку продолжать его мерзкий бизнес! – воскликнула она, её голос дрожал, но решимость не угасала. – Как мы можем сидеть здесь, в этом временном убежище, пока он соблазняет других продавать свою сущность? Ничего не делать – не вариант. Мы должны действовать.

Комната наполнилась напряжением, словно перед надвигающейся бурей. Я заметил, как Виктория нервно переместилась рядом со мной, её взгляд метался между Анатолием и женщиной, которая стояла прямо и решительно среди других выживших.

–Ты абсолютно права, Мария, – согласился Анатолий, скрестив руки перед собой, обдумывая её слова. – Вопрос в том, что мы можем сделать?

Его слова повисли в воздухе, как невидимая волна беспокойства, охватившая каждую пару глаз в комнате. Несколько выживших нервно взглянули на Анатолия и Марию, как будто молча ища утешения или совета. Гнетущая власть Бенисфера оставила нас в ловушке и уязвимыми, но мы не собирались сдаваться перед укусом холода и отчаяния.

– Мне кажется, нужно проникнуть в пустоту, которая, как вы говорите, начинается за пределами города, – предложил я.

Анатолий и остальные выжившие пристально смотрели на меня, изучая моё лицо, словно ища скрытую уверенность в моих словах. Костёр потрескивал, пока тяжелое молчание опустилось на комнату.

Однако это была не та подавляющая тишина, что сковывает, а та, что рождает надежду, мелькающую глубоко внутри каждого выжившего.

– Что ты рассчитываешь там найти? – спросила Мария, её голос звучал настороженно.

Моё сердце бешено колотилось, но я уже начал формулировать план.

– Нам нужны союзники, – начал я. – Возможно, в этой пустоте скрываются существа, столь же чудовищные, как и Бенисфер. Мы должны быть осторожны. С другой стороны, за пределами этой пустоты может находиться выход в обычный мир, где царят мир и порядок. Ведь мы не знаем, случилось ли это только с Горнинском или с целым миром.

– Глупо сидеть и ждать чего-то, что может никогда не произойти, – сказал Анатолий, – мы должны действовать. Нас здесь больше, чем чего-либо в этом странном магазине.

Мария кивнула, её лицо отразило решимость. Группа выживших, теперь сгрудившаяся ближе к теплу костра, одобрительно зашептала – они были более чем готовы бороться за свою свободу и безопасность.

Чувствуя в воздухе решимость своих товарищей, я начал понимать, какая тяжесть ложится на мои плечи. Ведь именно я должен был вести и направлять этих незнакомцев в мире, полном опасностей и неизвестности.

– Хорошо, вот что я предлагаю: – начал я, – я пойду в пустоту один, так как это моё предложение. Мы обвяжем меня верёвкой, концы которой останутся у вас. Если после оговоренного времени я не вернусь, вы начнёте вытягивать меня обратно.

– Это неплохая идея, но может быть опасна, – нервно сказал Анатолий. – Я и группа изучим ближайшие подходы к пустоте в ближайшие дни. Через несколько дней мы снова соберёмся здесь и обсудим план.

– А вы здесь не живёте? – спросил я.

– Нет, наша основная база находится в моём особняке, – ответил Анатолий. – Здесь мы просто запасаемся едой. Если хотите, вы можете присоединиться к нам. У меня большой дом для всех.

Присмотревшись к Анатолию, я узнал его – это был местный горнинский олигарх Анатолий Осипов. Я не мог поверить, что хозяин сталепрокатного завода находился здесь, в этом заброшенном магазине.

Заметив моё потрясённое выражение, он усмехнулся и сказал:

– Да, в отличие от других, я не замерзаю. Думаю, это несправедливое преимущество, но если оно помогает нам выжить, то пусть так и будет.

– Так вы пойдёте с нами в мой дом? – спросил Анатолий.

Виктория и я обменялись взглядами, и она ответила за нас обоих:

– Спасибо вам за предложение, но мы с Иваном живём у него дома. Как вы предложили, давайте встретимся здесь через несколько дней.

Анатолий согласился, и мы кивнули в знак прощания. Огонь продолжал потрескивать, отбрасывая мерцающие тени на истощённые полки магазина. Виктория и я осознали, что нам нужно вернуться домой и подготовиться к предстоящему путешествию в неизвестность.

Мы покидали магазин в тревожном настроении. Пустые улицы молча напоминали о некогда оживлённом городе, теперь замёрзшем во времени.

Ветер завывал через выбитые окна заброшенных зданий, добавляя зловещую атмосферу к нашему пути. Я крепче обнял Викторию за талию, и мы продолжили свой путь по заснеженной земле, всё ещё заворожённые странными огнями, что светились вдалеке.

Когда мы приблизились к окраине города, ландшафт начал меняться. Городские улицы уступили место пустынной зимней равнине, простирающейся далеко за горизонт.

Пронизывающий холод напомнил нам о нашей уязвимости в этом суровом мире. Мягкий хруст наших шагов нарушал тишину, пока мы осторожно пересекали остатки полей, вымерших под безжалостным морозом. Каждое дуновение ветра приносило с собой обещание забвения, словно призраки воспоминаний, которых мы хотели оставить позади.

Вернувшись домой, я включил обогреватели, и дом постепенно начал наполняться теплом. Виктория положила в холодильник продукты, которые достала в заброшенном магазине. Она посмотрела на меня, закрывая дверь холодильника, и мы встретились взглядами в тускло освещённой кухне.

Будто два холодных призрака, мы стояли, зачарованные тишиной. Без слов мы двигались вокруг друг друга, маневрируя среди разбросанных вещей, оставшихся в хаосе внезапно остановившейся жизни. Случайные предметы были разбросаны по комнате, каждое из них – напоминание о мире, застигнутом врасплох, тревожный символ мимолётности человеческого существования.

Позже, когда мы сидели в гостиной и согревались грогом, который я приготовил, Виктория призналась: – Анатолий не показал, что он знаком со мной. Но полгода назад он пытался ухаживать за мной.

– Ты его знаешь? – удивлённо спросил я.

– В компании, где мы с тобой работаем, его завод заказывал у нас рекламу, и начальник несколько раз посылал меня подписать для него кое-какие бумаги, – объяснила Виктория.

– И как закончились его ухаживания? – спросил я, подняв брови с интересом.

– Смешно! Они закончились так же быстро, как начались, – рассмеялась Виктория. – Он пришёл ко мне с букетом и пригласил на свидание. Я согласилась. А когда мы встретились, оказалось, что он скучный и неуклюжий человек. Я придумала предлог и оставила его одного в кафе.

Слова Виктории рисовали образ Анатолия, который казался совершенно несовместимым с тем образом, что остался у меня в памяти. Я вспоминал уверенного, харизматичного и влиятельного человека, который легко мог бы подчинить кого угодно своей воле. Это было загадкой для меня – что могло с ним случиться, чтобы он так изменился.

– И как он отреагировал на твой отказ? – продолжал я задавать вопросы, всё больше увлекаясь рассказом.

– Вот что интересно, – задумчиво сказала Виктория. – Он совсем не разозлился и не расстроился.

Её слова как будто запустили в моей душе чувство ревности, словно Виктория была моей женой, и я боялся потерять её. Видя выражение на моём лице, она вдруг рассмеялась:

– Ты ревнуешь? – её глаза весело блеснули.

Я застыл на мгновение, но не мог отрицать очевидного. Я глубоко вздохнул и признался:

– Не знаю, что думать. Он действительно сильно изменился.

Виктория задумалась на мгновение, её лицо приняло задумчивое выражение.

– Возможно, с ним произошло что-то печальное, я не знаю, – сказала она, аккуратно положив чашку с грогом на стол.

Её взгляд был устремлён в угол комнаты, где тихо потрескивал огонь, едва видимый в тусклом свете лампы.

Я вздохнул, осознавая, что предстоящие события будут куда сложнее, чем мы думали. Что-то тревожное шевелилось в моём сознании, как предчувствие опасности, связанной не только с городом и его тайнами, но и с людьми, которых мы считали своими новыми союзниками.

– Несмотря на то, кем он был, я готов встретиться с любыми опасностями, если ты будешь рядом, – произнёс я, чувствуя, как важность этих слов проникает в каждый уголок моего сердца.

Виктория посмотрела на меня, и её лицо смягчилось. Она приблизилась ко мне, положила руку мне на плечо, а затем притянула меня ближе. Мы встретились в нежном поцелуе, её губы были сладкими и чуть солёными, как море. Я почувствовал, как внутри меня разгорелось пламя, то самое пламя, которое горит только тогда, когда ты находишься рядом с тем, кто тебе по-настоящему дорог.

Я ответил на её поцелуй, вложив в него всё своё чувство любви и преданности. Обняв её за талию, я крепко прижал её к себе. Её тело дрожало в моих руках, но дыхание было тёплым и лёгким.

В её волосах ощущался слабый аромат земляники, который оставлял сладкий привкус воспоминаний о прошлой жизни, той, где не было холода и мрака.

Мы потерялись в объятиях и нежности.

Глава 5

Когда я проснулся утром, осторожно переложил голову Виктории с моей груди на подушку и пошел готовить кофе. В квартире было тихо, дом, некогда полный жизни, теперь погружен в давящую тишину. Единственным звуком были мои мягкие шаги по изношенному ковру, когда я прошел на кухню и включил кофеварку.

Виктория продолжала спать, словно картина невинности, глубже зарывшись в одеяла. Каждый её сонный вздох приносил едва уловимый намек на жизнь в эту безжизненную квартиру. Разогрев кофеварку, я приготовил крепкий двойной кофе. Богатый, бодрящий аромат наполнил кухню – соблазнительная смесь темных жареных зерен с оттенком горького шоколада.

С двумя дымящимися кружками я вернулся в гостиную и невольно залюбовался спящей Викторией. Она выглядела спокойно и безмятежно, её тёмные волосы были раскинуты по подушке, а идеальное лицо едва заметно румянилось. Я опустился на колени рядом с кроватью, переполненный нежностью, текущей по моим жилам словно раскалённая лава. Тихий покой нашего дома стал отражением нашей трепетной любви друг к другу, защищая нас от пронизывающего холода города за нашими воротами. Поставив кружки на прикроватную тумбочку, я слегка улыбнулся.

В мыслях я снова переживал важные события, приведшие нас к этому моменту, поражённый красотой этого уединённого покоя, который я имел честь защищать. Медленно отпивая горячий напиток, я увидел, как солнце начинает пробиваться над горизонтом, отбрасывая янтарный свет на спящую Викторию. Её ресницы тихо затрепетали, почувствовав наступление нового дня, словно она стремилась встретить мой взгляд. Лунный свет, который ранее освещал её лицо, теперь уступал тепло солнечным лучам, отражавшимся в её тёмных вьющихся волосах.

Когда Вика проснулась и открыла глаза, они смотрели на меня с детской нежностью. Тёплая улыбка осветила моё лицо, когда я наклонился и нежно поцеловал её, чувствуя сладость её дыхания, пробуждённого ароматным кофе, который я ей протянул.

Сегодня я решил посвятить день исследованию возможностей связи с внешним миром. Хотя я уже включал телевизор несколько дней назад, решил снова проверить. Экран замер, и мы с Викой испытали разочарование. Птицы не замолкли. Во всей своей воле неизвестные захватчики пытались навязать нам свою волю.

На экране показали полуголую аудиторию, участвующую в каком-то ток-шоу.

Закадровый голос объявил:

– Ток-шоу «Член знает!». На этом весёлом и развлекательном шоу мы выясняем, у кого самый сексуальный член в бизнесе. Присоединяйтесь к нам, когда мы пригласим группу знаменитостей, чтобы они высказали своё мнение о самых привлекательных членах в индустрии. От голливудских звезд до музыкальных кумиров, наши гости расскажут, что делает член по-настоящему сексуальным. Но это не всё – у нас также будет специальная рубрика, где наши зрители смогут похвастаться своим членом и побороться за звание «Самого сексуального члена» в аудитории. Не забудьте отдать свой голос!

Моя кровь закипела от непристойности, исходящей из динамиков. Экран разделился между ведущей – женщиной в откровенном наряде, и гостями, всеми мужчинами, каждый из которых стремился высказать своё субъективное мнение о том, чей член наиболее привлекателен. Стиснув зубы от ярости, я хотел выключить это мерзкое зрелище, но Виктория, казалось, была замерзшей на месте, её глаза прикованы к похабному представлению на экране.

Ведущая:

– Добро пожаловать на шоу «Член знает!» Единственное шоу, где мы не боимся заглянуть чуть глубже в вашу постель. Я ваш ведущий, Пуг Турсинский, и сегодня мы выясним, у кого самый сексуальный член в бизнесе. Давайте познакомимся с нашей группой знаменитых гостей!

Я не мог больше терпеть этот бред. Мой мозг закипал от гнева. Выключив телевизор, я закурил сигарету.

– Что ты думаешь об этом, Вика? – спросил я, выпуская дым в сторону штор, прятавших нас от посторонних глаз.

Она покачала головой:

– Не знаю. Мне кажется, что нам больше не стоит полагаться на технологии. Внешний мир сошёл с ума, Иван.

У меня по спине пробежал холодок, когда я посмотрел на окна, покрытые инеем, за которыми простирались бесконечные зимние пейзажи и призрачные контуры других зданий на горизонте. И произнес:

– Похоже, ты права. Не знаю, что ещё делать.

Тогда я решил проверить наличие Интернета. Включил ноутбук и открыл браузер. Я надеялся на чудо – на наличие внешней связи с миром. Но браузер автоматически перенаправил меня только на одну страницу – «Магазин Бенесфер».

Отчаяние охватило меня, но я ввёл адрес вручную. Снова открылся «Магазин Бенесфер».

Я прошептал Виктории:

– Я думаю, что мир за пределами нашего города исчез, остался только наш город.

Внутри меня поднялась буря шока – странное сочетание изумления и отчаяния. Как целый мир мог исчезнуть? Может быть, наш город был единственным, который уцелел в этой пустоте? Или, возможно, только наш был затронут?

Я задумался. Мысль об этом заставила меня вздрогнуть, и, когда я посмотрел на пустой мир за окном, почувствовал, будто оказался в чьей-то мечте.

– Знаешь, Виктория, – начал я, медленно помешивая кофе, – в этом всём есть что-то такое, что заставляет меня чувствовать, будто мы – персонажи какой-то пьесы или даже как будто нас заперли внутри страниц романа.

– Хм, – задумчиво пробормотала она, пустым взглядом уставившись на темный экран телевизора. – Может быть, ты прав, Иван.

Всё это кажется странным, словно мы – часть какого-то трагического, замёрзшего натюрморта, – мягко ответила Виктория, наконец оторвав взгляд от телевизора.

Наш некогда шумный, процветающий город исчез. Лабиринт из стареющего кирпича и железа теперь предстал перед нами как застывший, приглушённый памятник человеческой промышленности – теперь навеки умолкшей.

Через некоторое время мы оделись и вышли на улицу, чтобы взглянуть на так называемую «пустоту», о которой говорил Анатолий и которая, как он утверждал, находилась на окраинах города.

Мы шли медленно, наслаждаясь тишиной и чувством полной свободы от внешнего мира. Туман поднимался, но солнце всё ещё скрывалось за плотными облаками, и город был погружён в мягкие, приглушённые тона. Даже в этой мрачной обстановке можно было различить неясные силуэты зданий, тёмные очертания которых казались призрачными. Иногда нам было сложно найти дорогу среди извилистых улиц, но по мере приближения к окраинам картина начала меняться. Перед нами раскинулся ясный и бескрайний зимний пейзаж.

Туман плотной стеной стоял вокруг нас, а солнце оставалось скрытым за облаками, погружая город в тусклые, невыразительные тона. Но даже в этой гнетущей картине можно было различить неясные тени, тёмные здания, возвышающиеся на горизонте. Мы с трудом ориентировались среди улиц, однако, чем ближе мы подходили к окраинам, тем яснее стано-

вился вид – впереди нас ждал совершенно иной мир. Городская дорога резко обрывалась, за ней простиралась бездонная тьма, сверкающая неоновыми отблесками.

Виктория, дрожа, схватилась за мою руку, глядя на это необъятное ничто, словно пытаясь найти в нём ответы.

– И ты собираешься туда через несколько дней? – спросила она, кивком указав на темнеющий горизонт.

– Кажется, у нас нет другого выбора, – ответил я. – Мне нужно узнать, что произошло.

Мы стояли рядом, наблюдая за этой таинственной пустотой, пока холодный ветер кусал наши лица и обнажённую кожу. Ледяной туман окутывал нас, делая видимость практически нулевой.

Единственным звуком было моё собственное дыхание и хруст льда под нашими ботинками. Ощущение нереальности, что накрыла нас в это утро, лишь усиливалось.

Постояв немного, мы двинулись обратно в город. По дороге мы прошли мимо магазина Бенесфера и заметили, что возле него толпились люди. Их было человек пятнадцать или семнадцать, стоящих в очереди у входа. Когда один человек покидал магазин, другой заходил внутрь. Оставшиеся незамерзшие люди начали продавать свои души. Обманутые обещаниями тепла и спасения, они легко расставались с самым важным – своей душой.

Сам акт сделки происходил в полной тишине: дверь магазина открывалась, и владелец безмолвно принимал их души в тёмный проём дверей, прежде чем резко закрыть их. Очередь продолжала расти, а тьма вокруг нас казалась всё более угрожающей, поглощая последние остатки дневного света.

Я взглянул на Викторию, которая с пустым выражением лица наблюдала за этой зловещей сценой. Мы продолжили наш молчаливый путь домой, каждый погружённый в свои собственные мысли.

Возвращаясь домой, мы неожиданно заметили, что ночной клуб «Горнинск» всё ещё работает. Из его окон исходило слабое разноцветное свечение. Переглянувшись с Викой, мы решили зайти внутрь.

Температура в клубе была необычайно высокой благодаря множеству обогревателей, расставленных по всему пространству. Густой запах сигаретного дыма и алкоголя заполнил наши лёгкие, когда мы вошли в затемнённый зал, где громкая ритмичная музыка разрывала тишину.

Интерьер клуба напоминал странный сон, почти сюрреалистичный. Столы и стулья оставались в идеальном порядке, как будто время здесь остановилось. На танцполе несколько человек двигались безжизненно, словно механические куклы. Люди сидели за барными стойками, а на большом мониторе светилась надпись: «Ночь оттаяла». Всё это напоминало пир во время чумы.

К нам подошёл какой-то мужчина.

– Вы тоже были у Бенесфера? «Оттаяли?» —спросил он.

Его вопрос застал меня врасплох. Я на секунду замялся, не зная, что ответить. Решив не раскрывать всех карт, я спокойно сказал:

– Нет, ещё нет.

– Там дорого, – вмешалась Вика, её лицо вдруг затуманилось от ярости и отвращения. – Они продают человеческие души!

– Ну, всё равно нужно туда сходить, – ответил странный человек. – Вы можете разморозить своих друзей или родных, если они уже там.

В этот момент на сцене появился высокий мужчина в строгом костюме и бабочке.

– Дорогие друзья, – обратился он к собравшимся, – сегодня большинство из вас получили свободу, и завтра вы сможете вернуться в привычный мир. Вы обменяли свои души на человеческую свободу. Позвольте вас поздравить. Напоминаю, что сбор завтра в десять утра

у бывшего военного полигона. Также хочу отметить, что пройти смогут только те, кто оттаял или продал свою душу.

Его слова прозвучали зловеще, пробиваясь сквозь гул музыки и разговоров. Я обменялся взглядами с Викторией, чувствуя нарастающее беспокойство. Атмосфера в клубе становилась всё более тяжёлой, словно давила на грудь, мешая дышать.

Когда мы покинули ночной клуб, нас окутала удушающая тишина. Мы сделали несколько шагов по улице, пока слова того странного человека продолжали звучать у меня в голове, как дурное предчувствие.

– Мы должны срочно сообщить об этом группе Анатолия, – сказал я.

Мои слова прозвучали резко, прорезая густой воздух. Ледяной туман, казалось, сковал нас, оставляя пустоту в груди.

– Я тоже об этом подумала, – отозвалась Виктория, её голос был слабым, но решительным.

Мы остановились у старого дуба на окраине, его ледяные ветви скрипели на ветру. Мы прижались друг к другу, стараясь укрыться от холода.

Затем мы направились к продуктовому магазину, где обычно собирались наши товарищи.

Когда мы пришли, они уже были на месте, сидели в центре торгового зала у костра.

Они сидели плотной группой вокруг огня, их дыхание сливалось с треском поленьев, и напряжённая атмосфера говорила о смеси страха и надежды, которую они все испытывали.

На лицах у них было написано то же, что и у нас: безмолвный вопрос о том, какие ужасы могут ждать за пределами города и как далеко им придётся зайти, чтобы вернуть связь с миром, из которого они были вырваны.

Когда мы подошли, они подняли головы, и на их лицах мелькнуло облегчение – будто бы наше появление на мгновение развеяло их тревогу.

После того как мы рассказали о том, что увидели в клубе, Анатолий, казалось, задумался, а затем произнёс:

– Это значит, что внешний мир всё ещё существует, если они могут отправлять туда людей. Только Горнинск отрезан.

Он нахмурился, потерев подбородок. Его взгляд был сосредоточен и задумчив.

– Скорее всего, это связано с тем, что Горнинск находится в какой-то особой точке пространства, вакуума или пустоты, если от него не поступает никаких сигналов из большого мира.

Я кивнул в знак согласия, чувствуя тяжесть в сердце. Похоже, мир за пределами нашего города действительно исчез. Но была слабая надежда, крошечный луч возможности, который давал нам силы продолжать. Возможно, эту пустоту можно было преодолеть. Возможно, у нас всё ещё был шанс найти способ связаться с внешним миром.

Солнце уже начало садиться за горизонт, окрашивая небо в длинные розовые тени. Пустые улицы, некогда заполненные толпами горожан, теперь были тихими и неподвижными, словно вес нашей тишины высосала каждый звук из воздуха.

– Завтра нужно пойти к военному полигону и посмотреть, что там будет, – продолжил Анатолий.

Настроение среди нас было мрачным. Огонь потрескивал, бросая тусклые тени на озабоченные лица собравшихся. Тишина повисла в воздухе, словно мы все задержали дыхание в ожидании грядущей катастрофы.

Весь вечер мы провели у костра, сжавшись друг к другу ради тепла. Сердца наши были тяжёлыми от груза неопределённости, и мы могли лишь смотреть на пляшущие языки пламени в поисках утешения.

В конце концов, я повернулся к Виктории, усталый, но полон решимости.

– Нам тоже нужно будет пойти туда завтра, – сказал я тихо.

Вика кивнула в знак согласия.

– Да, мы должны, – её голос был едва слышен сквозь треск огня. – Мы должны узнать, что там снаружи, что случилось с остальным миром.

Когда я посмотрел ей в глаза, то увидел тот же огонь решимости, что горел и во мне. Это придало мне сил, зная, что я не один в этом мрачном мире. Вместе мы сможем противостоять тому, что ждёт за пределами границ города, и узнать правду о странном, замороженном мире, в котором мы оказались.

Ночь становилась всё холоднее, и мы прижались ещё ближе к огню, чтобы согреться.

Глава 6

Утром мы собрались на военном полигоне. Нас было около десятка: Анатолий, я, Виктория и несколько наших товарищей. Под ногами хрустел снег от мороза, а небо – такое же серое и безнадежное – нависало над нами, словно тяжелое одеяло.

На полигоне уже собиралась толпа, как и обещал вчерашний ведущий. Люди – те, кто продали свои души, и те, кто ждали возможности разморозить своих близких, – стояли группами. Все они смотрели в пустоту, за которой мы подозревали начало нового, неизведанного мира.

Анатолий подошел к одному из мужчин, стоявших у «линии фронта».

– Что происходит? – спросил он.

– Ждем. Говорят, переход первой группы начнется скоро, – ответил человек.

Я слушал, и холод, подступавший к спине, не предвещал ничего хорошего.

Любопытство, несмотря на опасность, тянуло нас к краю этой коварной пропасти.

Воображение заполняло головы множеством кошмаров, не давая ясности. Я не мог выбросить из головы образы ночного клуба и тех слабых душ, заключивших сделку с доброжелательным и загадочным торговцем.

Я повернулся и посмотрел на Викторию, с тревогой на лице и сжатыми губами.

– Знаешь, они не такие плохие люди, – сказал я, разрывая тишину.

Она удивленно посмотрела на меня.

– Что ты имеешь в виду, Иван?

Я пожал плечами.

– Я имею в виду, что они просто выживают так, как умеют.

Виктория нахмурилась, но ничего не ответила. Вместо этого её взгляд снова упал на край бездны, рядом с которой мы стояли.

Внезапно заговорил Анатолий.

– Есть предложения, что делать дальше?

Виктория глубоко вздохнула и ответила мрачным тоном:

– У нас нет выбора, кроме как быть осторожными и ждать. Мы не знаем, что за этой тёмной пустотой, и можем полагаться только на свою интуицию.

Анатолий кивнул, его взгляд был прикован к горизонту, как будто он искал хоть малейший намек на мир за пределами. Воздух был полон ожидания и тревоги, висевшей на наших плечах, как нежеланная пелена.

Мы стояли, не говоря ни слова, ожидая, пока событие развернется перед нашими глазами. Время от времени кто-то бросал взгляд на часы или неловко переминался с ноги на ногу, но в основном мы оставались неподвижны и молчаливы.

Наконец, через какое-то время, толпа зашевелилась, и вокруг меня поползли шепоты.

Наконец, высокий человек, который выступал на сцене клуба, вышел из ворот полигона и сказал в мегафон:

– Дорогие размороженные и граждане, продавшие свои души, пройдите на территорию полигона для перехода в ваш родной мир.

– И как они определяют, кто разморожен, а кто живой? – спросил я человека, с которым ранее общался Анатолий.

– При продаже души или разморозке автоматически вживляется виртуальный чип. Посторонний не сможет проскользнуть, – ответил он.

Тем временем толпа выстроилась у входа в ворота полигона. Охранник, видимо, прикладывал сканер к каждому, и только после проверки людей пропускали.

Очередь двигалась медленно. В воздухе висела тишина, но в головах у всех, как болотная трава, шелестела тревога.

– Нам надо вернуться на базу и решить, что делать дальше, – сказал Анатолий.

Мы снова сидели у костра в продуктовом магазине. Его тепло согревало нас, прогоняя холод внешнего мира. Укутанные в одеяла, мы не произнесли ни слова, каждый погруженный в свои мысли.

Я смотрел в огонь, наблюдая за его завораживающими завихрениями, за тенями, пляшущими по стенам.

Анатолий прокашлялся, выводя меня из задумчивости. Я повернулся к нему и заметил его нахмуренные брови и дрожащие губы.

– Есть идеи, Анатолий? – спросил я.

– Наш ученый Андрей Лукич имеет план, – ответил вчерашний олигарх, глядя в сторону сгорбившегося худого человека в очках.

Андрей Лукич нервно кашлянул и начал объяснять.

– В нашем институте до начала этого бедствия разрабатывалось секретное устройство. Примерно десятилетие назад недалеко от Горнинска упал метеорит. Точнее, мы сначала думали, что это метеорит. Место было оцеплено военными, и выяснилось, что это инопланетный корабль. Всё, что было внутри, забрали в Москву. А нашему институту поручили изучить одно устройство, найденное там. В теории оно позволяло не только сканировать пространство, но и перемещать объекты. Тема была настолько секретной, что знали о ней всего два-три человека. Меня привлекли только однажды по одному вопросу, поэтому я знаю об этом аппарате.

Он поправил очки и продолжил:

– Вкратце, это своего рода генератор порталов. Проблема в том, что, согласно нашим расчетам, размер червоточины, создаваемой этим аппаратом, довольно ограничен. Но его хватит для одного человека и небольшой посылки.

Мы замолчали на мгновение, обдумывая услышанное. Надежда слегка зашевелилась во мне, но за ней всё ещё таился скептицизм.

Меня внезапно осенило, и я посмотрел на Андрея Лукича:

– Сколько времени нужно, чтобы подготовить устройство?

Ученый поерзал с очками, прежде чем ответить:

– Нам потребуется по меньшей мере неделя, чтобы завершить необходимые настройки и собрать все компоненты. Как только всё оборудование будет готово, создание портала не займет более дня.

Торжественность в его голосе привлекла внимание всех.

После короткой паузы он продолжил:

– Однако, мы должны учитывать риски. Отправить одного человека через портал – это своего рода лотерея. Мы не знаем, какой ландшафт, климат или препятствия могут встретиться на другой стороне. Возможно, он никогда не вернется.

Тяжелое молчание опустилось на нашу маленькую группу. Никто не говорил, каждый размышлял над возможными последствиями. Анатолий первым нарушил тишину:

– Итак, каковы наши варианты? Оставаться в этом условном лимбе, отсчитывая дни до тех пор, пока у нас не закончатся припасы?

– Пока Андрей Лукич будет готовить своё устройство, я всё же попытаюсь пересечь пустоту, как мы и договаривались, – сказал я.

Анатолий посмотрел на меня с выражением сомнения и тревоги на лице.:

– Ты думаешь, что сможешь это сделать, Иван?

Я расправил плечи и уверенно встретил его взгляд:

– Да. Я должен попробовать. Кто-то должен передать сообщение о том, что мы ещё живы, что наш город выжил, хоть и остался замороженным во времени.

Кивнув, Анатолий согласился со мной. Мы понимали, что на кону. Мое путешествие в пустую бездну предстояло, неся на своих плечах груз нашего выживания.

Утро следующего дня мы посвятили подготовке моего похода на разведку в «никуда». Андрей Лукич вместе с другими товарищами работал в институте, настраивая устройство.

Анатолий, со своей стороны, принес какое-то альпинистское снаряжение, с помощью которого меня обвязали, чтобы прикрепить к тросу, который держал Анатолий и другие товарищи на случай, если что-то пойдет не так.

Однако, когда мы подошли к окраине города, мы увидели, что пустота увеличилась примерно на 10 километров. Она захватила ещё несколько близлежащих деревень, и ни один житель не осознавал её существования, пока не проснулся в новой, промороженной реальности.

Единственными признаками прежней жизни города были тихий гул электричества под ногами и слабый запах утечки газа. Мрачная атмосфера окутывала наши сердца, оставляя за собой беспокойное ощущение того, что за нами наблюдает нечто гораздо большее, чем мы сами.

Когда мы прошли мимо мертвых деревень, то увидели множество замерзших людей. Казалось, что Бенисфер расширяет зону своей торговли.

Заморожены были люди из разных социальных слоев.

Там был и фермер, застывший в ужасной гримасе, когда куда-то шёл, сжав кулак. Возле одного из домов на лавочке сидела молодая женщина, вечно смотрящая в пустоту.

Это было невыносимо депрессивно.

День был темным, отбрасывая зловещие тени на замерзший город. Тишина вызывала у меня беспокойство, и каждый скрип ветки или далёкий звук ветра заставляли меня напрягаться.

Я снова обратил внимание на Анатолия и его команду. Они обсуждали детали машины для порталов и завершали планы её создания. Я внимательно слушал, надеясь понять, насколько реальна наша задача. Ведь без этой машины у нас не было ни малейшего шанса вернуться в тот мир, который мы знали. Самая мысль о том, что мы останемся в этой замерзшей пустоши, была кошмаром, от которого мне не удавалось избавиться.

Мои мысли прервала наша приближающаяся встреча с границей пустоты. Она зевала зловеще, мерцая многоцветным светом, как северное сияние.

Края бездны вихрились тенями и тьмой, маня меня шагнуть ближе и узнать, что скрывается за ними. Смешанные чувства любопытства и страха сковывали моё сердце, но я знал, что пришло время действовать.

– Ладно, мы готовы настолько, насколько это возможно, – сказал Анатолий, обращая внимание на меня. – Ты уверен, что хочешь это сделать?

Я кивнул решительно:

– Я должен, ради всех нас.

С этими словами я сделал шаг вперед.

Все взгляды обратились ко мне. Я смотрел в пустоту, и на мгновение заколебался.

Я подошел к Виктории, чтобы попрощаться. Обняв её, я нежно поцеловал.

– Вика, за эти дни я понял, что ты мне небезразлична. Прости, что мы не сблизились раньше на работе.

Виктория покраснела и прошептала:

– Мне тоже жаль, Иван. Теперь я понимаю, что боялась обжечься на любви.

Я отстранился и заглянул ей в глаза:

– Мы могли бы создать что-то прекрасное, если бы переступили через себя и сделали шаг навстречу друг другу, но вместо этого позволили страхам управлять нами.

Она кивнула, а потом сказала те слова, от которых моё сердце забилось быстрее:

– Я знаю, что не могу остановить тебя от того, чтобы ты прошёл через эту пустоту, но я хочу, чтобы ты знал: я верю в тебя.

Моё сердце наполнилось теплом, и я поблагодарил её за поддержку.

Но замёрзший город за моей спиной словно подталкивал меня идти вперёд. Я сделал ещё один шаг, одной ногой перешагнув через порог, чувствуя, как холодный захват пустоты сжимает меня.

Последнее, что я увидел, это как Виктория бросилась за мной в пустоту.

Внезапно тени сгустились в водоворот. Я почувствовал рывок, и моё сердце забилось быстрее, чем когда-либо. Боль пронзила грудь, и мне оставалось лишь удерживаться за трос, связывавший меня с друзьями…

Глава 7

Вокруг меня простиралась пустота. Канат оборвался, и я парил, одновременно стремительно летя в это н и ч т о, окружённый вспышками северного сияния. Тело ныло, мышцы болели невыносимо, но какая-то неведомая сила гнала меня вперёд, сквозь тьму. Каждое биение сердца отзывалось эхом, заставляя продолжать. Глаза затуманивались, и краски вокруг смешивались в водоворот, увлекая меня всё глубже. Воздух становился холоднее с каждой секундой, будто высасывал дыхание, и я отчаянно цеплялся за него.

Как бы я ни старался удержаться, бесконечная пустота сомкнулась вокруг. Силы покидали меня, конечности становились свинцово тяжёлыми, а холод, словно тлеющий уголёк, стремился поглотить моё сознание.

Мир вокруг сжался до вихря красок и непроглядной пустоты. Ощущение движения сменилось тревожной неустойчивостью, и время утратило смысл. Я изо всех сил пытался сосредоточиться на чём-то, помимо этого пугающего великолепия, окружавшего меня.

Цикл красок сбивал меня с пути, уводя всё дальше от разума. Неизбежно я падал в глубину, цепляясь за призрачную надежду вернуть контроль. Ледяной холод проникал в кости, терзая мысли.

Я боролся за сознание, в котором мелькали видения площади Пролетарской, улицы Карла Маркса и памятника Ленину, погружённых в вечную зиму.

Чувствуя, как пустота подо мной поглощает звуки и краски, я поддался её манящему притяжению. Мгновение – и тьма сомкнулась вокруг, холодный вакуум охватил меня кристаллизованной неподвижностью. Все как бы схлопнулось. Внезапно, словно кто-то выдернул меня, я выпал из пустоты и неловко приземлился на ледяной тротуар. Я оказался в другом районе замёрзшего города. Вокруг стояли знакомые здания, но здесь царила особая тишина, тревожащая глубже прежнего. Серый снег лежал нетронутым, словно игнорируя само понятие жизни. Впереди тускло светились замёрзшие фонари, как маяки в темноте, но вокруг не было ни малейшего движения; лишь давящая тишина заполняла пространство, наполняя воздух зловещим ощущением.

Внезапно я заметил знакомую фигуру в дверях старого магазина. Это была Виктория. Её лицо отражало тот же страх и замешательство, что и моё. Я подошёл ближе; Виктория вздрогнула, глядя на меня, будто проверяя, я ли это действительно перед ней.

– Я тоже… прыгнула за тобой, – прошептала она, и в этой абсолютной тишине её голос прозвучал, как крик.

– Похоже, эти переходы решают, куда нас выбросить, – тихо сказал я, делая шаг к Виктории.

Она была в своей обычной зимней одежде – чёрном пуховом пальто до колен, штанах на флисе и синей шапке. Белая бандана, закрывающая нос и рот, не могла скрыть её беспокойства.

Мы оба огляделись, но улица оставалась жутко тихой. Вдруг я заметил, что снегопад прекратился. Кроме ледяного ветра и хруста снега под ногами, не было слышно ни звука.

Идти по улице было странно: людей становилось всё меньше, и на их месте появлялись другие, "оттаявшие". У этих новых "обитателей" глаза были пугающе пустыми, и взгляд их обжигал ледяным равнодушием. На миг мне показалось, что от их взгляда мороз пробежал по моей спине. Пустота в их глазах была настолько глубокой, что заглядывать туда не хотелось. Всё вокруг застыло в такой гробовой тишине, что она казалась неестественной, визжащей, как сверлящий в уши насекомых писк.

Виктория нервно сжала мою руку. Я обернулся к ней, но её слова уносил свистящий ветер. Она скинула бандану на подбородок и попыталась снова.

– Давай уйдём отсюда, Иван! – крикнула она неожиданно решительно.

Я нахмурился, оглянулся на потускневший, покинутый город за спиной. Я сжал её руку, и мы пошли в город.

Дорога впереди выглядела словно декорация к забытому фильму ужасов – пустая, призрачная. Единственным звуком был звук ветра, свистящего среди оголённых деревьев вдоль дороги. Живых существ не было, даже вороны покинули этот забытый уголок.

Мы решили вернуться к продуктовому магазину, где собирались наши, чтобы обсудить, как пустота разбрасывает нас по городу. Спешили, не оглядываясь на жуткую тишину позади, цепляясь за тепло, которое находили в поддержке друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.